

УХОДЯЩАЯ НАТУРА

Невероятные люди, невероятные судьбы, знаковые фигуры, тайны которых не одно десятилетие пытаются постичь многие поколения, — в рубрике МИХАИЛА КОЗАКОВА.

Она была почти ровесницей XX века и не дотянула до его конца всего восемь лет... Если быть совершенно точным, появилась она на свет через два года после начала века. Или через год? Спорный вопрос. Когда вы вступите в XXI век: в конце этого, 1999 года или все-таки в 2001 году? С понятием "времени" вообще было непросто. Пространство — категория ясная и точная, поэтому и глуповатая... Как сказал поэт: "...покуда время не поглупеет, как пространство, что вряд ли..."

"О, ЛИЛИ МАРЛЕН!"

она сама была и главной причиной, и следствием, рядом нельзя поставить никого, абсолютно никого из людей нашей профессии. В этом загадка Дитрих, которую десятки биографов искали ответ, а загадка Сфинкса так и не разгадана. Отчасти, лишь отчасти проливает свет недавно вышедшая у нас по-русски двухтомная книга дочери актрисы Марии Рива...

В сущности, Марлен Дитрих не была ни великой актрисой, как например, Бэт Дэвис, ни великой певицей, как Барбра Стрейзанд, она не спасала родину, как Жанна д'Арк, не была ни святой (скорее, наоборот), ни мученицей, она не создавала гениев, как Елена Дьяконова — Гала (у этой на счету сразу двое — Поль Элюар и Сальвадор Дали)... Она, наконец, была далеко не лучшей матерью и бабушкой четырех внуков...

взгляде, которым она уничтожала любого — от репортерши бульварной газеты до президента. О том, что она обожала носить мужские пиджаки и брюки, была лучшей подружкой гомосексуалистов и была бисексуальна, Стерва, какой свет не выдывал, снисходившая к простым смертным. И профессионал экстракласса: знала, как выставить на площадке свет, не хуже знаменитого оператора. И как скрыть изъян своей фигуры — небольшую провисшую грудь: коллекция ее лифчиков, похоже, была безразмерна. Одевалась безукоризненно и была капризна в одежде. Однажды, не желая примерять перчатки, которые ей шили из нежнейшей лайки, Марлен терпела гипсовку кистей, по слепку которых и сшили перчатки. И не знал такого пиканта устройства ее организма: во время работы она не позволяла себе посетить туалет. Зато когда смеялась, всегда мочила шелковые трусики, не успев добежать до уборной.

Моя покойная матушка Зоя Александровна Никитина когда-то, в 20-х годах, дружила с четой Познеров... И вот бывшая жена писателя-эмигранта Владимира Познера Элизабет Лотар, Ляля Лотар, приехала в Москву как переводчица и одна из помощников г-жи Дитрих. Я с мамой попал на концерт, а потом Ляля Лотар представила меня г-же Дитрих. Божественная пригласила меня на банкет, который она давала в ресторане "Гранд-отель", что был тогда рядом с гостиницей "Москва", пока здание этого ресторана не снесли по плану реконструкции Москвы.

Разумеется, я от приглашения не отказался. Но до того был концерт мисс Дитрих. Она спускалась к нам, зрителям, по лестнице, как и положено суперзвезде, в белом меховом манти, ступая по ступенькам своими длинными дитриховскими ногами, представленными на всеобщее обозрение. Были ноги Анны Павловой, руки-крылья Плисецкой, поющие ножки Кати Максимовой, ножищи-бицепс Марадоны, ноги-боги Пеле... Да мало ли? Нет, если вдуматься, не так уж много... Но таких ног, как у Дитрих, не было, нет и не будет никогда! Почему? Опять загадка Сфинкса...

Помню, что было обманчивое ощущение, что Марлен под этим белым воздушным меховым манти абсолютно обнажена... Это волновало, манило, впечатляло... Но вот она сбросила манти и низким, чуть хрипловатым голосом запела "Лили Марлен"... Даже наш непросвещенный зал взорвался аплодисментами...

Перед нами стояла и нам, москвичам, пела мисс Легенда XX века... Ее возраст в 64-м году? Его просто не было. У совершенства возраста не бывает...

Потом, уже на банкете в ресторане "Гранд-отель", в своем кремовом костюме, подчеркивающим прелести ее фигуры, она смотрелась лет на 35–37

от силы... Но какие 37! Когда она вошла, впрорхнула в банкетный зал, где ее все ждали, снова раздали овации... Все встали. На ужине за столами буквой "П" присутствовали музыканты, артисты, принимавшие участие в ее концерте (Владимир Трошин исполнял "Подмосковные вечера"), представители Госконцерта, Минкульту СССР, американский, французский и прочие послы с работниками посольств...

Так вот, когда она на высоченных каблук-шпильках, юбка в обтяжку едва прикрывала колени, порхала по залу, произнося благодарственные тосты, шутила, курила, была сама естественность и очарование, — она ни на минуту не застыла в покое, вся была — движение... К ее генеральному аранжировщику и другу, молодому Берту Барраку, или к тому же Володе Трошину, чтобы чокнуться с ним, движение могло быть почти незаметным; она сидя выслушивала приветственные тосты, она откидывала голову, или крутила перед лицом бокал с шампанским, или закуривала сигарету, щелкая золотой зажималкой, — но она ни на секунду не оставалась в полной статике...

Сфокусироваться и детально разглядеть мисс Д. было абсолютно невозможно... И вдруг на какую-то минуту я поймал объективом глаза застывшее в покое лицо Марлен... И тогда опять же вдруг проступил ее возраст... Нет, не 62-летней женщины, а чуть старше, ну, может быть, 45... И тут же, тут же она вскочила, рассмеялась, пожелала всем нам дальнейшего веселого времяпрепровождения и, сославшись, нет, не на усталость, боже упаси, а на ожидаемый ею звонок от одного из своих ближайших друзей — то ли от актера Юла Бриннера, то ли от генерала де Голля, то ли от драматурга Ноэла Коурда, то ли от если не Иоганна Вольфганга Гете, то от императора Нерона, — впрорхнула 18-летней Венерой из белого банкетного зала еще не несенного "Гранд-отеля".

Я был только одним из тех счастливых, кто видел своими глазами мисс Легенду в тот незабываемый вечер...

Другое дело писатель Константин Георгиевич Паустовский, рассказ которого "Телеграмма" был почему-то известен г-же Дитрих... В мемуарах дочери это выглядит примерно так: мисс Д. по своему странному обыкновению, впервые встречаясь и знакомясь с очередным гением, опускалась перед ним на колени и целовала его руку... Гении реагировали по-разному. Один смущался, Хемингуэй делался раздражен. Кажется, де Голль принял как должное. Третий, четвертый, семьдесят седьмой... Не знаю, как среагировал милейший Константин Георгиевич, но вот старик **Бернард Шоу**, как рассказала сама Марлен своей дочери, расстегнул ширинку и дал ей, коленам преклоненной, "эту свою штуку"... А уж она-то знала, что с ней делать.

Моск. Комсомолец. — 1999. — 27 февр. — с. 5